

О роли санкций в экономике

Устойчивое снижение темпов роста ВВП в российской экономике наблюдалось с четвёртого квартала 2012 года, то есть задолго до того, как появились проблемы, связанные с Украиной. Достаточно долго держалось промышленное производство: до конца прошлого года даже давало позитивный рост, что позволяло говорить: «Зато промышленность у нас растёт», связывая этот факт с импортозамещением.

В январе–феврале текущего года промышленность рухнула, причём достаточно сильно. В феврале 2015-го (год к году) снижение составило 2,1%, в том числе по обрабатывающей промышленности 2,8%. Такой показатель не отмечался со времени преодоления кризиса 2008–2009 годов.

Спад показателей внешней торговли начался в четвёртом квартале 2013 года. По инвестициям достаточно резкий и в общем неожиданный спад произошёл в первом квартале 2014-го. Опять же это свидетельство того, что кризисные явления не выпрыгнули из ларца, открытого ключом санкций, а наблюдались задолго до того, как фактор санкций сработал. Это существенно не только для понимания роли санкций в экономике, но и для осознания отношения к экономическим санкциям на уровне политического руководства.

Динамика потребительских цен тоже была далека от оптимизма задолго до того, как ударил фактор девальвации, и постдевальвационного скачка цен. Спад реально располагаемых доходов населения наблюдался ещё в первом квартале 2014 года. Частично его удалось «залечить» в течение последующих двух кварталов, после чего процесс возобновился.

Инвестиционный спрос и потребительский спрос играют в краткосрочной перспективе против экономического роста на усугубление проблем российской экономики.

Если по прошлому году в целом рост ВВП был зафиксирован на уровне 0,8%, на 1,7% выросло промышленное производство, то в настоящее время ни один серьёзный прогноз не обещает в 2015 году устойчивого выхода соответствующих показателей на позитивную территорию.

Об уникальности текущего момента

Впервые с 1990-х годов кризис протекает на фоне благоприятной мировой конъюнктуры.

Помните дискуссии на тему, что «мировая экономика никогда не будет прежней», что уже «никогда не будет таких высоких темпов роста», что «нужно привлекать в лучшем случае к темпам роста в 1–1,5%». Так вот, на всех этих предсказаниях можно поставить жирный крест и констатировать, что мировая экономика вернулась к тем темпам, которыми она росла в докризисный период: в последние три года они устойчиво превышают 3%.

Единственный регион, где остаточное влияние кризиса 2008–2009 годов ещё остаётся, — это еврозона. Но даже там последние официальные прогнозы обещали рост на 1,3–1,9% в течение 2015–2016 годов. Это было до того, как ЕЦБ запустил программу количественного смягчения. Сейчас самые осторожные оценки говорят о том, что еврозона может выйти на 1,5–2% роста, если не грядёт какая-нибудь очередная эскапада Греции либо вариант критической дестабилизации ситуации на Украине.

Надломилась прежняя тенденция. Если до этого мы видели, что при высокой конъюнктуре Россия растёт быстрее, а в случае ухудшения ситуации падает сильнее, чем мировая экономика, то с 2011–2012 годов страна устойчиво переходит на более низкую траекторию роста, чем мировая экономика. Мировая экономика делает всё, чтобы глобальный кризис забылся как страшный сон, российская, наоборот, напоминает нам о том, что кризисные тенденции — объективная реальность, данная нам в ощущениях.

О мере ответственности

Существует три этапа санкций, которые принципиально различны. На первом этапе их влияние не прослеживалось в общей статистике. Когда состоялся переход к секторальным санкциям, связанным на нефть, газ, технологии, финансы, то выяснилось, что уже никому не смешно. С 12 сентября прошлого года санкционный процесс начал жить своей

жизнью, не соотносясь напрямую с ситуацией на Украине. Последнее решение на этот счёт — санкции будут увязаны с соглашением «Минск-2», которое должно быть исполнено к концу текущего года. То есть у ЕС есть формальные основания для того, чтобы в июле на следующем саммите пролонгировать санкции как минимум до конца декабря.

Коллапс доверия в мировом сообществе к России налицо. Бизнес окончательно уверился: что бы ни происходило на украинском направлении, санкции всё равно могут сохраняться, а могут ещё и усиливаться. Ожидание ухудшения на этих фронтах является на сегодняшний день преобладающим.

Спектр проблем оказался настолько широким, что диву даёшься. Восточно-азиатские компании стали требовать с российских импортеров 100%-ную предоплату по контракту. Объяснение такое: «Вас же со дня на день от системы SWIFT отключат, поэтому, если хотите от нас что-то получить, платите деньги прямо сейчас».

Особенно это было актуально в октябре–ноябре прошлого года. Очень сильно пострадал бизнес с китайскими компаниями, имеющими филиалы в США. Они стали очень осторожно относиться к взаимодействию с российским бизнесом, опасаясь, что за это будут наказаны их американские подразделения.

Почему это оказывает такое влияние? Во-первых, потому, что российская экономика очень зависит от экспорта. Если считать по среднегодовому валютному курсу, то у нас экспортная квота составляет больше четверти (если по курсу на конец декабря 2014 года, то сильно больше трети). Это реальный масштаб доли экспортной выручки в экономике России.

Даже в периоды кризиса платёжный баланс по текущим операциям в России был позитивным. Более того, в кризисные и посткризисные годы он увеличивается. В 2014 году также увеличился профицит платёжного баланса по текущим операциям. Это значит, что импорт падал ещё быстрее, чем экспорт. На этом фоне в 2014 году резко вырос отток капитала по финансовому счёту платёжного баланса, и, соответственно, финансирование этого превышения оттока над ростом сальдо по текущим